

— Ой! — Второй дядя хлопнул себя по ноге. — Чего бояться? Второй дядя и младший дядя всегда за тебя постоят! В конце концов, ты сейчас и так не ходишь в школу, просто занимаешься с домашними учителями. Если ты хочешь пораньше начать приобщаться к делам клана Жун, мы с младшим дядей точно сможем тебя устроить! Ну что, обдумаешь?

Закончив эту речь, он устремил на меня искренний взгляд, не моргая. Однако я отчетливо видел, как на его лице, которое казалось моложе, чем у Жун Шицина, проступали явные морщины. Они были у него в уголках глаз, в складках улыбки и даже на лбу — тонкие, едва заметные линии, которые на таком близком расстоянии я мог разглядеть во всех подробностях.

Честно говоря, я не стал задумываться о степени его искренности, так как в его словах явно была доля лжи. Меня больше интересовало, когда и как ответить ему, чтобы лучше понять его мотивы и намерения, разгадать, что он задумал и как планирует отобрать клан Жун у Жун Шицина.

— Не торопись, подумай хорошенько, — снова заговорил Второй дядя, скрестив ноги. Его улыбка излучала уверенность. Его эмоции были настолько очевидны, что казалось, он действительно считает меня пятнадцатилетним ребенком, ничего не смыслящим в жизни.

Не знаю, то ли он слишком наивен, то ли я уже слишком часто сталкивался с такими людьми.

Я кивнул, сохраняя на лице выражение нерешительности.

Внезапно я почувствовал усталость. Горло пересохло, дышать стало тяжело.

— Я пойду налью воды, — тихо сказал я, обращаясь ко Второму дяде и младшему дяде, сидевшим рядом.

Повернувшись, я потянул за галстук, но затрудненное дыхание не проходило. Я даже почувствовал, как лицо мгновенно стало горячим, а руки и ноги похолодели.

Недостаток кислорода вызвал головокружение, и я вынужден был остановиться, чтобы удержаться на ногах. Некоторые из окружающих заметили мое состояние и устремили на меня взгляды.

Спину покрыл холодный пот, я схватился за горло, пытаюсь заставить себя дышать и успокоиться, но, прислонившись к стене, медленно сполз вниз. Я широко открыл рот, как рыба, выброшенная на берег, но вдохнуть воздух так и не смог.

Вокруг началась суматоха.

В затуманенном зрении я увидел, как Жун Шицин обошел Второго дядю и младшего дядю, оттолкнул чью-то руку, пытавшуюся помочь мне подняться, и, присев рядом, быстро поставил диагноз:

— Анафилактический шок. Позвоните, пусть привезут все необходимое в течение десяти минут. Расходитесь.

Он быстро все организовал, затем крепко взял мою голову в руки. Его голос был низким и пронзительным, каждое слово словно врезалось в мое сознание, вызывая тупую боль. Он скомандовал:

— Дыши!

Я чувствовал, как его широкие ладони крепко держат мою голову, дыхание было тяжелым. Я изо всех сил старался следовать его команде, но грудь казалась забитой, как засорившийся сток, и воздух не поступал.

Спина прижималась к полу, и даже через тонкую ткань я чувствовал холод мраморной поверхности. Вокруг стояли люди в роскошных нарядах, которые в обычное время считали себя благородными и сдержанными, но теперь вели себя как обычные обыватели, шепчась и наблюдая за происходящим с равнодушием.

В следующий момент личный врач семьи Жун уже пробился сквозь толпу и оказался рядом со мной.

Когда я очнулся, рука болела от капельницы, голова была тяжелой, и я по-прежнему находился в своей комнате.

Стул рядом издавал тихие звуки, и через некоторое время дверь открылась и закрылась.

— Тебе лучше?

Я слегка повернул голову, не говоря ни слова, и кивнул в ответ.

— Повара с этого банкета я уже наказал, это мое объяснение для тебя, — произнес Жун Шицин. Его голос был ровным, без эмоций, но взгляд, устремленный на меня, говорил о его искренности.

Я не понимал, почему он решил так «объяснить» мне происшедшее, но мне это было безразлично. Я кивнул, делая вид, что принял его слова.

Жун Шицин оказался не таким уж великим, как я думал. Даже глава семьи Жун не оправдал ожиданий.

«Единственный наследник знатного рода, у которого возникают проблемы с едой, — наверное, такое возможно только в нашей семье», — с пренебрежением подумал я.

Единственный наследник означает, что он — будущий глава семьи, и если на мероприятии, организованном семьей Жун, подают блюдо, вызывающее аллергию у молодого господина Жуна, это говорит лишь о том, что этот молодой господин — человек, которым можно пренебречь.

Ирония заключается в том, что это произошло на дне рождения младшего господина Жуна.

Наверное, это станет еще одной тайной знатного рода, которую будут обсуждать за спиной. Но меня это не беспокоит. В прошлой жизни я слишком часто становился объектом обсуждений и уже привык к этому. Единственное, что меня волнует, — это увеличившаяся угроза безопасности.

В прошлой жизни, когда мой приемный отец привез меня в семью, он не особо заботился обо мне, оставив одного разбираться с семейными делами и испытать на себе все трудности. Но хотя я столкнулся с опасностями, еда никогда не была проблемой.

Теперь же даже самым базовым вещам, необходимым для выживания, приходится уделять внимание.

Лежа в постели без дела, я внешне кивал на слова Жун Шицина, но в голове продолжал обдумывать свои мысли.

«Жун Шицин только что сказал что-то о поваре? Если я правильно расслышал, он сказал, что наказал повара с этого банкета».

«Смешно».

Я опустил глаза, глядя на свои руки, лежащие на одеяле.

Повар с этого банкета был из семьи Жун, а не нанятый со стороны. Сколько лет он проработал в семье Жун, я не знаю, но я заметил, что его блюда очень нравятся Жун Шицину.

Наказать повара — это просто способ замаять дело.

Но вопрос в том, для кого это делается?

Как повар семьи Жун, он не мог не знать о пищевых аллергиях младшего господина Жуна.

«Для меня?»

«Зачем?»

С тех пор как я «появился» в семье Жун, происходят эти странные инциденты, и я начинаю сомневаться, действительно ли Жун Шицин хочет, чтобы его единственный сын выжил, или у него уже есть другие планы, и он хочет завести нового наследника?

Когда я закончил свои размышления, голова на миг опустела, и я понял, что Жун Шицин все еще сидит у моей кровати.

Он сидел на стуле у окна, скрестив длинные ноги, его четкие черты лица и глубокий взгляд были направлены в мою сторону, спокойные и уверенные.

— Отец, я устал, посплю немного, — сказал я, не глядя на него, слегка укрывшись одеялом, чтобы преградить его взгляд, и закрыл глаза, притворяясь спящим.

Мое отношение было слишком явным, но он все равно продолжал сидеть у моей кровати, больше похожий на противника в деловом противостоянии, чем на отца, заботящегося о сыне.

— Спи, — сказал он, поправляя одеяло.

Хотя глаза были закрыты, я прислушивался к звукам в комнате, надеясь, что он уйдет и оставит меня в покое. Но я не услышал ни шагов, ни желаемого звука открывающейся и закрывающейся двери.

Судя по свету, проникающему сквозь щели в одеяле, Жун Шицин все еще сидел на стуле у окна.

И сейчас я больше всего жалел о том, что в прошлой жизни слишком мало общался с семьями из белого мира и почти не имел контактов с семьей Жун, поэтому теперь не мог понять характер главы семьи Жун Шицина.

Но сейчас у меня не было настроения разбираться в этом.

Я старался дышать ровно под одеялом, изображая спящего, но воздух под одеялом был сухим и теплым, что вызывало дискомфорт.

— Не спится? — внезапно раздался низкий голос Жун Шицина у кровати, чуть не заставивший меня вздрогнуть.

Этот человек действительно...

Я издал сонный звук, но не ответил, решив продолжать притворяться спящим.

В последнее время я думаю над одним вопросом: разве человек, способный писать проникновенные тексты, непременно любит кого-то в глубине души?

<http://bllate.org/book/16596/1516680>